

К.Г.Холодковский,
доктор исторических наук.
Институт мировой экономики
и международных отношений РАН

Демократические институты и российская практика: обучение или дискредитация?¹

Наблюдая российскую политическую жизнь, мы видим глубокое противоречие между ее формальной стороной и глубинной сущностью. Согласно конституционным установлениям, Россия представляет собой демократическое государство, стоящее на страже основных прав и свобод граждан. Но формальное существование демократических институтов мало кого может обмануть — на каждом шагу проявляет себя власть корпоративно-бюрократических кланов с весьма сильным авторитарным компонентом. Такого рода противоречие было заложено в основание нашего государственного устройства с самого начала нынешней российской трансформации.

Действительно, несмотря на популярность лозунга демократии в период поздней перестройки, страна не была готова к его реаль-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 01-03-00077).

ному осуществлению. Лишь узкая прослойка либеральной интеллигенции, игравшая тогда довольно значительную роль, выступала у нас за демократию западного образца, да и то не очень понимая, в чем она заключается. Активисты рабочего движения агитировали за народоправство, понимаемое в наивно-мифологизированном духе (власть или участие во власти народных представителей)¹. Что касается основной части населения, то демократия и тогда, и теперь понималась ею не столько как власть народа, сколько как власть для народа, т.е. как "хорошее правление", обеспечивающее массе свободу, достойное материальное положение и социальные права². При этом устройство самой власти не так важно — важно, чтобы она была "хорошей". Такое вполне патерналистское понимание отдает судьбу демократии в руки элиты.

С точки зрения теоретиков транзитологии, в этом нет беды. Разработанный в транзитологии, в основном на опыте стран Латинской Америки и Южной Европы, алгоритм введения демократических институтов подразумевает ведущую роль элиты в этом процессе, массы выступают в роли ведомых. Если мы обратимся к условиям, в которых происходило формальное установление демократии в России, мы увидим, что элиту вынудили к этому развал и доказанная на практике неэффективность прежних, советских институтов. Понятное в этих условиях заимствование иностранных образцов облегчалось той ролью знаменосца, которую сыграла тогда либеральная интеллигенция. Российская демократия действительно явилась, по словам Ю.Левады, "вынужденной демократией"³.

Однако не только в среде бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры, составившей основную часть новой элиты, но и в верхушке бизнеса, и даже среди той же либеральной интеллигенции еще в самый разгар реформ проявились весьма заметные авторитарные тенденции. Достаточно напомнить, что появление феномена, который можно обозначить как "мигранизм-пиночетизм" — развертывание влиятельными политическими публицистами апологетики авторитарных, диктаторских, монархических и т.п. форм перехода к рынку — обозначилось уже в 1989 г. В 1993 г. либеральные политики по соображениям конъюнктурной целесообразности легко дали себя уговорить на авторитарные ограничения в новой Конституции РФ (суперпрезидентство, почти полная ликвидация парламентского контроля за исполнительной

---

¹ См. *Холодковский К.Г.* Демократия и реформы в России // Гражданское общество в России: Западная парадигма и российская реальность. М.: ИМЭМО, 1996. С. 129-130.

² См. например: *Дилigenский Г.Г.* Российский горожанин конца девяностых: Генезис постсоветского сознания. М.: ИМЭМО, 1998 С. 105-109.

³ *Левада Ю.* От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 109.

властью, урезанное воплощение принципа разделения властей). В 1996 г. страна едва избежала верхушечного переворота с отменой очередных президентских выборов, причем, как свидетельствует известное письмо 13 "олигархов", бизнес-элита готова была поддержать такой вариант.

Глубинная авторитарная природа "старо-новой" элиты особенно хорошо видна на тех режимах, которые сложились в 90-е годы в подавляющем большинстве регионов. "Постсоветские ханства" здесь лишь крайний случай.

Как известно, ситуация "демократия без демократов" для транзитологии не представляет чего-то необычайного. Однако в концепции перехода, разработанной транзитологами, важную роль играет так называемое пактирование элит. На определенном этапе элитные группировки, представляющие крупные общественные силы, не будучи изначально настроены на демократический лад, убеждаются, что демократические институты обеспечивают наиболее приемлемые для консолидации элиты правила игры и на этой основе заключают между собой формальный или неформальный пакт. Этим обеспечивается введение, сохранение и функционирование демократических институтов, которые постепенно получают поддержку всего населения.

В российских условиях эта схема, увы, не работает. Наша демократическая трансформация явилась результатом не пактирования, а раскола элит, победы одной их фракции над другой. Наши элиты плохо приспособлены для роли ведущего массовых слоев, они обращались к массам лишь в моменты серьезного раскола (1991, 1993, 1996 гг.), а в остальное время занимались своими делами, делясь не столько на крупные политические фракции, ищущие массовой поддержки, сколько на кланы и корпоративные группировки. Что-то вроде пактирования намечается только в последние два года, но уже не на демократической, а на консервативной основе.

Определенный рациональный элемент в транзитологической схеме все же можно найти и применительно к России — сейчас, похоже, для наших элит формальные демократические институты обладают преимуществами совершившегося факта. Прямой отказ от демократии усилил бы для них элемент неопределенности. В данном случае можно говорить о консерватизме элит не только в антиреформаторском, но и в антиреставрационном смысле. Известную, хотя, как мы видим на истории с НТВ и ТВ-6, и не решающую роль играет и учет внешнего фактора, международного реноме страны, важного для ее приобщения к концерту "сильных мира сего".

С существованием формальных демократических институтов для элит связаны и некоторые прямые выгоды: взамен утраченного с роспуском КПСС они получают новый механизм рекрутирования и вертикальной карьерной мобильности, механизм торга и согласования интересов, более масштабный и гибкий, нежели никауда не

исчезнувшее "закулисье", и эффективно его дополняющий. Авторитарный вариант — это всегда доминирующие властные позиции одной группировки. Демократические институты создают, по крайней мере, потенциальные возможности приобщения к власти и остальной части элит. Наконец, немаловажное значение имеет и то, что выборы и другие демократические институты представляют собой механизм легитимации власти. Поэтому ныне в российских элитах *преобладает ставка не на уничтожение демократических институтов, а на их адаптацию к собственным интересам.* Но сама эта адаптация имеет мало общего с описываемыми транзитологами процессами консолидации демократии. Ибо она означает, в частности, выхолащивание избирательных процедур, манипулирование общественным мнением с помощью различного рода политических технологий, перенос центра тяжести с публичной на кулуарную политику, выборочное и казуистическое применение законов, а также обрисованная в докладе С.Пашина судебная практика, которую иначе чем протитуированием суда не назовешь.

Естественно, функционирование демократических институтов, сопровождаемое такого рода феноменами, никак не может способствовать тому воспитанию массовых слоев населения в демократическом духе, все более широкому согласию с демократическими процедурами, которое составляет суть процесса консолидации демократии. Напротив, оно способно привести к ее дискредитации.

Действительно, как мы видим по результатам социологических опросов, массы во многом дезориентированы. С одной стороны, они уже привыкли к существованию свобод, плюрализму мнений, выборности должностных лиц. Но с другой — сами выборы в их глазах все более обесцениваются, растет недоверие к парламенту, многопартийности, профсоюзам и другим атрибутам демократии. Реальная практика российских демократических институтов — и не в последнюю очередь позиция, занятая средствами массовой информации, которые увлеченно смакуют слабости партий, парламента и других структур, но забывают о необходимости защиты демократических принципов, задачах демократического просвещения граждан — запутывает обычного человека, порождает неверие в возможность демократическим путем оказывать хоть какое-то влияние на власти предрешающие.

Пассивное привыкание населения к представительным институтам не становится фактором положительного общественного опыта и, соответственно, укрепления этих институтов еще и потому (и, может быть, прежде всего потому), что не подкрепляется в сколько-нибудь существенной мере практикой самоорганизации, активного отстаивания собственных интересов. Поле низовой демократической практики за последнее десятилетие почти не расширилось, а кое в чем и сузилось.

Конечно, нельзя, как это иногда делается, объявлять российское гражданское общество вовсе не существующим. Тот смотр

общественных организаций, который получил наименование Гражданского форума, показал, что так называемый "третий сектор" как явление у нас зародился. Необходимо, однако, объяснить, почему его присутствие так мало ощущается, так слабо влияет на общественную атмосферу.

Один из ответов очевиден уже из сопоставления цифр — 300 тыс. некоммерческих организаций, но всего 1 млн членов. Это может означать только одно — значительная часть организаций существует лишь на бумаге. Реально, по-видимому, действуют несколько десятков тысяч ассоциаций. Для такой огромной страны это мало. В сравнительно небольшой Великобритании реально действующих добровольческих организаций насчитывается несколько сот тысяч, т.е. на порядок больше¹. Иначе говоря, в России сеть ассоциаций гражданского общества недостаточно плотная, многие из них чувствуют себя изолированными островками, и уже одно это ослабляет их влияние.

К этому нужно добавить характерную для России фрагментированность и сегментированность общества, вопиющее невнимание СМИ к деятельности гражданских структур. 20 млн человек, как говорилось на Форуме, воспользовались помощью гражданских структур, но остальные 125 млн не получают об этом почти никакой информации, голос гражданского общества тонет и глохнет в море чиновничьего и обывательского равнодушия.

Есть, на мой взгляд, еще одна причина реальной слабости российских общественных организаций. На Западе ассоциации "третьего сектора" воспринимаются населением как объединения таких же рядовых граждан, они находятся с остальными гражданами, так сказать, на одном уровне. У нас же часто — и конкретные исследования, думается, не преминут это показать — такие ассоциации (вследствие патерналистских традиций, непривычки населения к спонтанному объединению и активной защите своих интересов) воспринимаются как организации избранных, подвижников, патронирующих нуждающихся, чуть ли не как еще одно, вспомогательное начальство. На них опять-таки смотрят снизу вверх, и то, что многие некоммерческие организации существуют благодаря зарубежным грантам, способствует такому взгляду.

С этой точки зрения можно оценить плюсы и минусы Гражданского форума. Несомненно, негативных последствий этой административной затеи не так уж мало. Это и спровоцированные ею внутренние противоречия в стане правозащитников, и новые возможности для безответственных СМИ подставить кривое зеркало и поупражняться в остроумии по поводу демократических организаций. Это новый импульс для восприятия населением гражданских активистов как своего рода "начальства", а для этих последних — еще одна воз-

---

¹ *Городецкая И.Е.* Становление "третьего сектора" и добровольчества // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. М., 1998. С. 127-128.

возможность убедиться в небрежении со стороны основной части бюрократии, невзирая на внимание, проявленное с самого верха.

Но все это во многом искупается хотя бы одномоментным выходом из изоляции, налаживанием на Форуме или в связи с ним многочисленных горизонтальных связей (не с администрацией, центральной и местной, а между собой, с такими же добровольческими объединениями). Впервые гражданские организации на местах, в регионах, почувствовали, что их много, что они могут представлять собой значимое явление, и это, думается, не пройдет бесследно.

В процессе *обучения* демократии именно деятельность низовых объединений играет ключевую роль, представляя наиболее близкий к повседневным интересам, наиболее понятный довод в пользу возможности использовать демократические рычаги, чтобы влиять на действия власти. Пока что, увы, в постсоветской России преобладает иной процесс — *дискредитации* демократии, которая в глазах населения превращается в прикрытие своекорыстной власти олигархии и бюрократии. Народу недостает конкретного и очевидного опыта, доказывающего жизненную необходимость демократических институтов. *Современная Россия еще не выстрадала демократию.*